

УДК 94(470)"18"

doi 10.17072/2219-3111-2018-2-75-84

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА 1870-Х ГОДОВ В МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ¹

А. А. Рубцов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1 А
arubtsov@eu.spb.ru

Исследуются механизмы конструирования следственными органами Российской империи революционного движения в первой половине 1870-х гг. В 1874 г. началось расследование крупного политического дела «о пропаганде в империи». В среде революционных сообществ и позднее в историографии это событие получило название «хождения в народ». По этому делу в течение трех лет следственными органами было проведено несколько десятков дознаний и собрано огромное количество материалов, касавшихся различных аспектов деятельности участников революционного движения. Результатом этого расследования стал известный судебный процесс «193-х», на котором его участники обвинялись в организации преступного революционного общества и ведении противоправительственной пропаганды. В ходе расследования перед прокурорами и жандармами, которые вели дознания по политическим делам, встала непростая задача: доказать, что «хождение в народ» было результатом деятельности организованного революционного общества. Используются архивные материалы дознаний, производившихся в ходе расследования указанного политического дела. Демонстрируется, каким образом судебно-следственные органы в Российской империи выстраивали структуру протестного сообщества на уровне социальных связей и как группировались собранные данные. Таким образом выясняется, какими путями шло производство следственных дел, чтобы интерпретация революционного движения следственными органами могла стать убедительной и легитимной для всех участников политического процесса. С этой целью используются методы анализа социальных сетей.

Ключевые слова: российское революционное движение, народничество, следственные дела, социальные движения, анализ социальных сетей.

В пореформенную эпоху в Российской империи складывается новое политическое пространство, в рамках которого становятся возможными ранее не существовавшие формы протеста и коллективного действия (массовое «хождение в народ», политические демонстрации, террористические акты и т.д.). В историографии революционного движения 1860–1870-х гг. появление новых видов протеста обычно связывалось с возникновением определенных социальных групп, однако подходы к описанию данного явления были различны.

Некоторые исследователи стали использовать в своих работах такие социологические понятия как субкультура [Brower, 1967] или контркультура [Confino, 1990], для описания оппозиционных групп в Российской империи и определили тем самым целое направление в историографии [Gleason, 1980; Живов, 1999; Паперно, 1996; Пиетров-Энкер, 2005; Щербакова, 2008]. Часть историков обратились к изучению студенчества [Brower, 1975; Kassow, 1989; Morrissey, 1998]. В этих работах уделяли внимание различным студенческим и протестным институциям – землячествам, сходкам, кружкам и т.п. Отмечалась роль таких объединений в складывании и оформлении студенческой корпорации как некой единой формы идентичности. Исследователи, которые занимались непосредственно историей революционного народничества [Итенберг, 1965; Троицкий, 1991; Рудницкая, 1990], изучали, как подобные объединения способствовали складыванию протестного движения.

В рамках этих подходов демонстрировалось, как относительно большим социальным общностям удалось оформить свою корпорацию и заявить о себе как о единой группе, имеющей свои интересы и способной к коллективному выступлению; посредством каких механизмов представители молодежной субкультуры оформляли свою идентичность; как члены революционных групп действовали в рамках конкретных политических установок. В целом исследования, осуществленные на основе описанных подходов, позволяют понять, как это с виду аморфное протестное сообщество смогло стать субъектом политического процесса в Российской империи.

В своем исследовании я исхожу из определения социального движения как комплексной высоко гетерогенной сетевой структуры [*Diani*, 2003, р. 1–20]. В данном случае сеть для меня не только удобная метафора, но и важный аналитический инструмент. Сетевой анализ, методы которого я использую в своей работе, позволяет перейти через границы, в которые революционное движение 1870-х гг. было вписано предшествующей историографией. В рамках такого подхода акцент делается в первую очередь на важности социальных связей между людьми в процессе вовлечения и мобилизации их в политические действия.

Я исхожу из признания того, что протестное движение начинает существовать тогда, когда оно предстает целостным и понятным объединением для акторов, вступающих с ним в различные взаимодействия. Поэтому меня интересует в том числе то, как из разрозненных событий, действий, групп индивидов конструировалось протестное движение различными институтами и отдельными людьми, вступающими во взаимодействие с протестным миром.

Одним из важных акторов, который определял картину политического протеста в Российской империи, являлись судебноследственные органы. Многочисленные жандармы, прокуроры, судьи и их помощники выступали в роли «социологов» империи. Одним из самых крупных дел в 1870-е гг. в России стал судебный процесс «о пропаганде в империи» в 1877–1878 гг., на котором судили участников «хождения в народ». В течение нескольких лет следственные органы империи изучали протестные настроения в империи в целом. Материалы дознаний составили 11 томов и вылились в 34 дела по каждой губернии, где проводились исследования. Следствие судило о протестном движении, полагаясь на собранные им данные, которые, с его точки зрения, указывали на существование обширной сети революционных сообществ.

В ряде документов, полученных из Министерства юстиции и III отделения, представлен уже сложившийся взгляд судебноследственных органов на развитие и формы деятельности революционного движения. Еще до официального завершения дела «о пропаганде» в Министерстве юстиции была составлена «Записка о преступной пропаганде» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7178. Л. 16–20), в которой подводились итоги проведенных в ряде губерний империи расследований. Исходя из сохранившихся в фонде Министерства юстиции материалов можно сделать вывод о том, что положения, сформулированные в «Записке», должны были стать основой для интерпретации революционного движения правительственными агентами на разных уровнях власти, в первую очередь чиновниками Министерства юстиции, III отделения и жандармами. Согласно документу «Расылка записки о преступной пропаганде», в котором были перечислены адресаты, должно было быть разослано 544 экземпляра в 37 губерний и в различные ведомства, в том числе несколько десятков – в III отделение (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7178. Л. 1–10 об.). При этом текст «Записки» попал еще в редакцию эмигрантского журнала «Работник» и вышел отдельным изданием, поэтому образ революционного движения, представленный в ней, в той или иной степени повлиял и на более широкий круг лиц (Записка министра юстиции графа Палена, 1875).

В целом революционное движение в «Записке» представало в следующем виде. Революционные учения появились в России из-за границы. Причем их влияние в «Записке» персонифицировалось: выделялись и характеризовались отдельные личности как в России, так и за границей, которые, по версии властей, были главными проводниками пропаганды. Наиболее значимой из них считался М.А. Бакунин. Распространение нелегальной литературы позволило проникнуть революционным идеям в разные слои русского общества, особенно в среду учащейся молодежи. Вскоре выделились наиболее активные приверженцы новых учений, которые развернули в России деятельность по организации сообщества с целью пропаганды в среде крестьян и рабочих. Основой данных сообществ явились ранее существовавшие кружки самообразования, которые стремительно политизировались под влиянием новых учений и стали частью революционного движения.

«Записка» стала одним из результатов конструирования революционного движения. Схема развития революционного движения, представленная в ней, воспроизводилась затем во множестве частных следственных дел. Однако в «Записке» предложено исключительно «идеологическое» прочтение революционного движения, которое также повлияло на историографические интерпретации. Следственные же дела включали и большой фактический материал, собранный в ходе дознания. Основным содержанием нарратива политических дел было именно изложение данных о подследственных и их связях.

Задача данной статьи – показать, каким образом судебно-следственные органы воссоздавали структуру протестного сообщества на уровне социальных связей, как группировались собранные данные, чтобы их интерпретация могла быть легитимной и убедительной не только для следственных органов.

В качестве источника реконструкции социальной сети использована часть рапорта, помещенного в I томе дела «о пропаганде в империи» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7174). Этот документ оказался одним из наиболее структурированных среди доступных описаний и отчетов следствия о ходе расследования. Составил его прокурор саратовской судебной палаты С.С. Жихарев, осуществлявший общий надзор за производством дознаний. Он использовал материалы всех предыдущих дел и тем самым создавал общую картину распространения «революционной пропаганды в империи» в первой половине 1870-х гг. Отрывок из данного документа, в котором описывался ход дознания в Московской губернии, взят за основу для последующих построений.

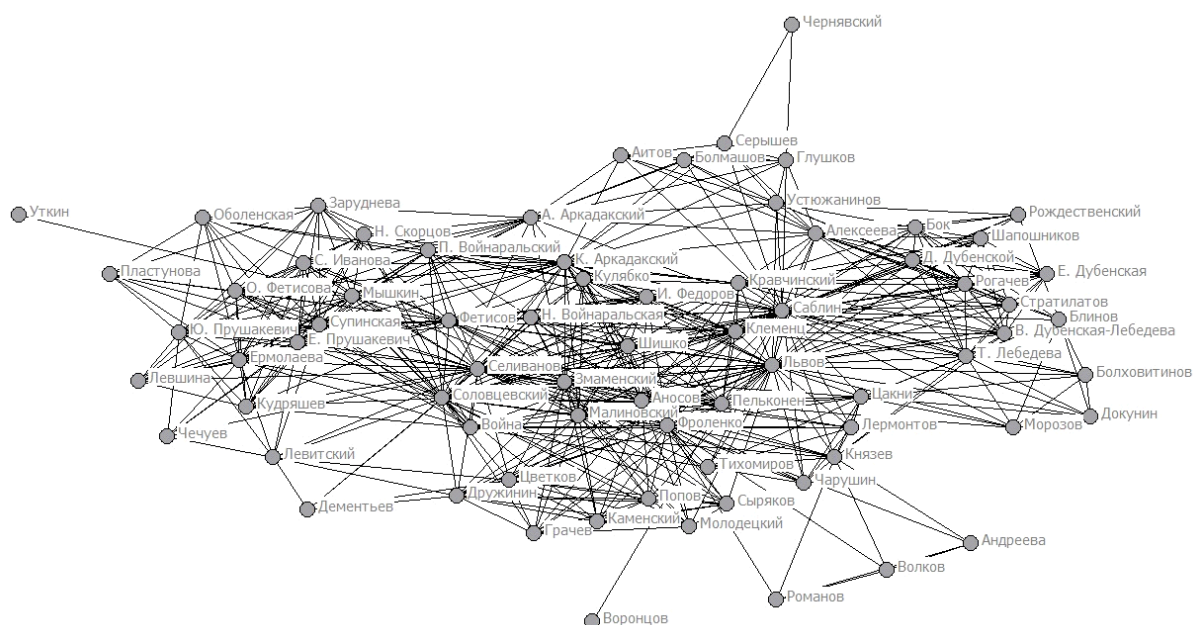
Предварительное расследование деятельности «революционного общества» в Москве охватило 1873–1874 гг. Это дознание оказалось одним из самых крупных и важных для следствия, в частности, потому, что в Москве действовала типография Мышкина, в которой печаталась нелегальная литература, на что дознаватели обращали особое внимание.

Прежде чем перейти к анализу материала, стоит подробнее сказать о методе, используемом в данной статье. Крайне важно разделять две представленные в работе парадигмы. Следователи определенно не использовали положения сетевого анализа в процессе ведения расследований. Однако во время дознаний жандармы старались выявить как можно более широкий круг контактов подозреваемых, проверяя их благонадежность. Тем самым в документах следствия оказался внушительный объем данных о связях подследственных. Проблема заключается в том, что при наличии большого количества упоминаемых в документах людей далеко не всегда можно разобраться, что значили для следствия отдельные личности и как данные группировались в деле и формировали структуру документа. Методы сетевого анализа являются второй парадигмой в статье, позволяющей ответить на эти вопросы, тем более, как указывалось, используемый следственными органами способ расследования дает возможность применять к данному виду документов сетевые методы. Поэтому выбранный мною подход позволяет по-новому взглянуть на содержащиеся в следственных делах сведения и на способы их структурирования жандармами и прокурорами.

При моделировании социальных сетей использовалась программа NetDraw, полученные данные анализировались с помощью программы Ucinet. В ходе исследования я работал с различными видами групп, сформировавшихся в социальных сетях. Среди них были клики (*cliques*) – в подобных группах каждый элемент сети связан с каждым, т.е. присутствуют все возможные между участниками связи (*Wasserman, Faust, 1994, p.254–257*). Более сложным понятием, относящимся к поиску групп в сети, является «кластеризация». Она характеризует степень взаимодействия ближайших соседей указанного актора. Часто в сетях, если актор А соединен с актором В, а актор В – с актором С, существует большая вероятность того, что и актор А соединен с актором С. Коэффициент кластеризации – это значение кластеризации для всех акторов сети. Высокий коэффициент означает, что сеть чрезвычайно плотно сгруппирована вокруг нескольких акторов. Низкий коэффициент кластеризации, напротив, свидетельствует о том, что связи в сети распределены относительно равномерно [*Hanneman, 2012*]. Для анализа сети в целом используется понятие плотности сети – соотношения количества существующих связей к максимально возможному (*Wasserman, Faust, 1994, p. 101–103*).

Мой подход к конструированию сетей заключался в том, чтобы выделить все упомянутые в следственном деле связи. Значимость актора в сети следствия отчасти зависит от частоты упоминаний его в деле. То есть чем чаще упомянут человек как участник каких-либо собраний или событий, тем больше у него будет разных контактов в представленной сети. Например, человек, посещавший два кружка, в каждом из которых было по восемь человек, окажется более значимым в сети, чем человек, который был членом только одного кружка численностью в десять человек. А вот если люди состояли в одном кружке, но при этом не было упоминаний об их контактах с другими группами, то они будут иметь одинаковое количество связей. На графе социальной сети они разместятся рядом, так как будут подобны друг другу по количеству контактов у каждого. В таком виде представленная сеть (рис. 1) демонстрирует социальную активность акторов и отражает об-

шую структуру взаимодействий участников в протестном сообществе Москвы зимой – весной 1873–1874 гг. согласно материалам, собранным и обработанным следствием.

Прежде всего представленный граф демонстрирует связанное сообщество. Все точки в связанном графе могут достигнуть одна другой посредством одного или более путей, т.е. каждый из участников был достижимым для любого другого в данной сети. Это вполне отражало характер выявления членов «преступного сообщества» в ходе дознания. Все подозреваемые оказались под следствием в первую очередь благодаря тому, что были так или иначе связаны друг с другом, если не напрямую, то через посреднические связи. Поэтому в такой сети невозможно было существование изолированных от всех остальных групп.

Размер представленной социальной сети относительно небольшой. Средний путь от одного участника до другого равен 2,034, а наибольший путь между парой акторов в сети – 4. Это означает, например, что в таком сообществе информация от одного участника сети до другого могла пройти примерно через два контакта. Каждый актор в этой сети являлся достижимым, и средняя дистанция между ними была невелика, если учитывать, что сеть состояла из 73 человек.

Однако достаточный уровень взаимосвязи отдельных элементов и небольшой размер сети еще не говорит о степени ее плотности. Показатель плотности сети невысок – 0,213 при условии, что максимальная плотность будет равна 1, т.е. количество наличных связей гораздо меньше, чем могло бы быть между всеми членами сообщества. Данная социальная сеть включает 45 первичных сплоченных групп (clique), что для сети такого размера (73 участника) представляется низким показателем². Следовательно, приведенные показатели указывают на низкую сплоченность участников данной сети.

На основе данных следственных материалов можно заключить, что, несмотря на потенциальную досягаемость одним участником сети другого, ее сегменты были недостаточно плотно соединены друг с другом, т.е. представленное сообщество не было спаянным. Данная сеть в связи с этим не являлась стабильной общностью, имевшей плотные контакты и коммуникативную сеть.

Однако следствие настаивало на том, что представленные данные доказывают существование огромного «революционного общества», озватившего десятки губерний империи. Каким же образом сеть сохраняла видимую целостность и производила впечатление серьезного политического движения? Дальнейший анализ сети показывает, что данный граф имеет высокий коэффициент кластеризации – 0,78. Это означает, что связи между всеми сегментами распределены неравномерно и большинство их аккумулируют несколько акторов. Они составляли структурный центр (17 человек³), который служил стержнем в данной сетевой конструкции. В таком случае центр являлся плотно соединенным сегментом, а на периферии оставались акторы, имевшие куда меньшее количество контактов. Поэтому члены выявленного структурного центра играли крайне важную роль в

создании общей картины деятельности «революционного общества», так как стягивали включенные в эту сеть группы в единую структуру.

Люди, проводившие расследование, выстраивали нарратив следственных дел, используя во многом представления, определяемые принятыми законами. Прокурор С.С. Жихарев, который контролировал ведение следственных действий, в своем рапорте выделил наиболее важных, по его мнению, деятелей «пропаганды». Такие люди по «Уложению о наказаниях» являлись «зачинщиками» совершения государственных преступлений и должны были понести наибольшее наказание (Уложение о наказаниях..., 1876, с. 17–21). В связи с этим следствие было заинтересовано в выявлении подобных деятелей. В рапорте С.С. Жихарева часть, относящаяся к московскому дознанию, начиналась следующим образом: «Под влиянием в особенности приезжавшего из Петербурга студента Чарушина, народного учителя Лермонтова, Льва Тихомирова ... и их соумышленников и товарищей, кружки начали приобретать уже политический оттенок» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7174. Л. 52–52об.). Все перечисленные лица занимались пропагандой среди студентов: «и тогда уже из некоторых из этих лиц выяснились сильные, рельефные и приобрели характер политической неблагонадежности. К числу их можно отнести следующих: студентов Московского университета: Львова, Саблина и Цакни, и студентов Петровской Академии Фроленко, Селиванова, Аносова, Война и Князева» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7174. Л. 52об.–53).

В этой части рапорта представлен пример модели, по которой, с точки зрения следствия, развивалось протестное движение. Одно из главных суждений о развитии «революционного общества» заключается в том, что главной движущей силой его является пропаганда. То, каким образом и в каких масштабах она осуществлялось, и определяло структуру протестных сообществ. Поэтому и ресурсы пропаганды выделялись следствием как наиболее значимые для развития протестного движения. Одним из таких ресурсов, в частности, были люди, имеющие большое количество знакомств. На них могли опереться революционные «коноводы» и воспользоваться положением этих людей в местном сообществе. Доступ к таким людям и обретение влияния на них были для «руководителей» указанного движения необходимым условием развития. Облегчало такой доступ в том числе существование кружков «самообразования», которые уже были оформлены в некие группы, что упрощало распространение пропаганды. Жандармы и прокуроры использовали именно такие схемы для описания становления и развития «революционного общества».

Таким образом, политическое влияние в среде революционных сообществ оценивалось следственными органами как способность активных участников протестного движения воздействовать на окружающих при непосредственном контакте с ними. По такому принципу и были особо отмечены, например, Чарушин, Лермонтов и Тихомиров. В материалах следствия эти молодые люди рассматривались как заезжие «пропагандисты», которые дали толчок развитию «революционных» групп в Москве. И, хотя последующие события развивались без участия указанных лиц, пропагандистская деятельность их казалась следствию решающей в вовлечении людей в революционное движение. Именно «пропагандистская» работа на начальной стадии движения определила последующий рост «революционного общества».

В то же время анализ количества контактов акторов показывает, что положение этих людей в сети взаимодействий могло быть и не таким значительным. В таблице, в разделе «степень актора», отражено количество людей, с которыми участник сети был связан. Согласно собранным данным Чарушин, Лермонтов и Тихомиров имели каждый по десять контактов с другими участниками описанного в следственном деле сообщества в Москве. Средняя степень актора в представленной сети (average degree – количество людей, связанных с данным человеком в сети) была равна 15.37. Следовательно, Чарушин, Лермонтов и Тихомиров, главные, с точки зрения следствия, «пропагандисты», обладали меньшим количеством контактов, чем в среднем члены социальной сети. Это обстоятельство означало, что сами они без участия посредников не могли непосредственно оказывать влияния на большинство участников сети. По мнению следственных органов, подобное влияние должно было заключаться в распространении «революционной пропаганды» и, тем самым, в вовлечении людей в протестное движение.

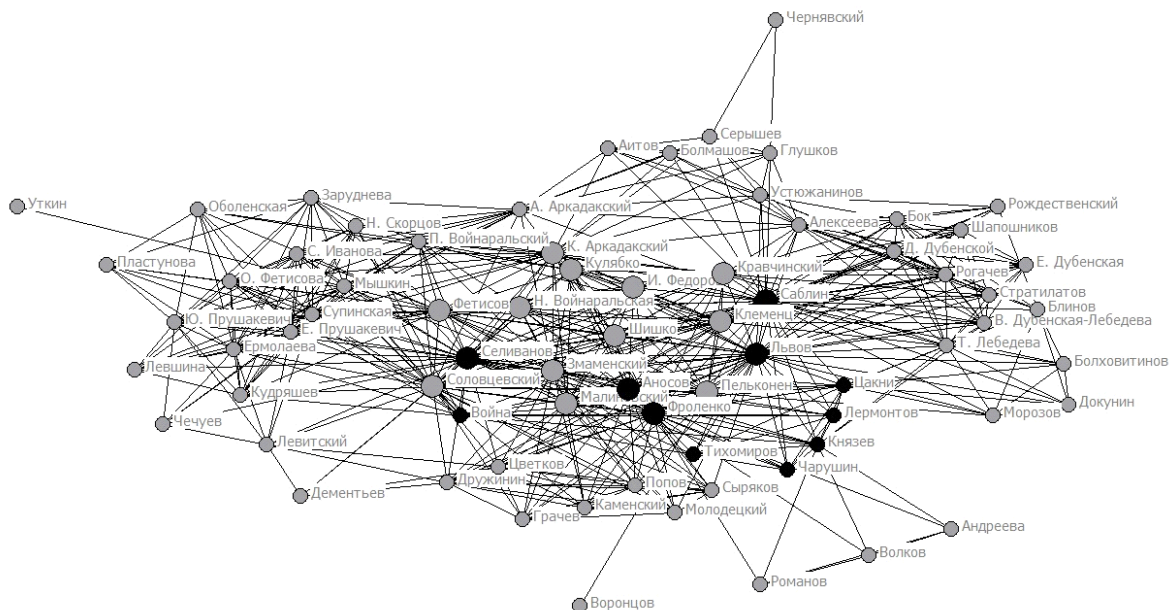
Часто ценность конкретной позиции в социальной сети зависит не от того, сколько актор имеет контактов, а от того, насколько они выгодны [Scott, 2000. p. 123]. Поэтому сконструированная следствием «революционная» сеть могла быть более эффективной, если бы указанное в рапорте влияние «коноводов» распространялось через посредников на всех участников сообщества.

То есть влияние наиболее значимых акторов сказывалось во всей сети, а «преступной» пропагандой «заражались» все ее сегменты, которые по социальным связям она могла охватить. Это важный момент в конструировании развития революционных или любых других политических сообществ в политических делах. Доступ к перечисленным в рапорте активистам, вступившим в контакт с Тихомировым, Лермонтовым и Чарушиным, гарантирует последним доступ ко всей сети. Трое перечисленных в интерпретации следствия были источником пропаганды и ядром, вокруг которого формировалась сеть протестного движения в Москве. Люди, сгруппировавшиеся вокруг этих влиятельных агентов, являлись проводниками их пропаганды в пределах всей сети.

Степени (количество людей, связанных с данным человеком в сети) акторов социальной сети подследственных по «Московскому дознанию»

Актор	Степень	Актор	Степень	Актор	Степень
Уткин	1	Молодецкий	12	Войнаральский	17
Воронцов	1	Дубенская	12	Прушакевич	17
Чернявский	2	Стратилатов	12	Кулябко	18
Андреева	4	Рогачев	12	Аркадакский	18
Романов	4	Блинов	12	Пельконен	18
Волков	4	Скворцов	12	Фетисова	18
Дементьев	5	Грачев	12	Война	18
Чечуев	6	Серяков	12	Ермолаева	19
Болховитинов	7	Каменский	12	Мышкин	19
Докунин	7	Попов	12	Войнаральская	20
Рождественский	7	Дубенская-Лебедева	13	Алексеева	21
Морозов	8	Устюжанинов	13	Прушакевич	21
Аитов	8	Заруднева	13	Супинская	22
Болмашов	8	Кудрявцева	13	Малиновский	23
Пластунова	8	Цакни	15	Знаменский	26
Глушков	9	Дубенской	15	Клеменс	26
Серышев	9	Бок	15	Кравчинский	26
Левшина	10	Иванова	15	Аносов	29
Чарушин	10	Князев	15	Фетисов	29
Лермонтов	10	Дружинин	15	Аркадакский	30
Тихомиров	10	Цветков	15	Фроленко	32
Левитский	10	Шишко	16	Соловцевский	36
Оболенская	10	Федоров	16	Селиванов	38
Шапошников	11	Лебедева	17	Саблин	42
				Львов	44

При таком взгляде на сеть более важными становятся выделенные следствием взаимосвязи. В данной социальной сети структурный центр состоял из 17 человек (на рис. 2 они выделены узлами больших размеров), которые имели наибольшее количество контактов в сети (16 и более). Пятеро из семи (Аносов, Львов, Саблин, Селиванов, Фроленко), с которыми непосредственно контактировали Тихомиров, Чарушин и Лермонтов, относились к этому центру сети. Два актора с наибольшим количеством контактов в сети – Саблин и Львов – были в группе, на которую непосредственно повлияли «заезжие пропагандисты». Они имели такое большое количество связей потому, что, будучи членами ряда различных кружков, упоминались в рапорте чаще, чем остальные. Согласно полученным результатам именно они занимали в сети центральное положение и играли важную роль в осуществлении пропаганды. Без них были бы утеряны важные посреднические контакты, что отразилось бы на функционировании протестных сообществ, в частности, на вовлечении в них новых членов. В рассматриваемой ситуации указанные пять человек обладали значимым ресурсом – большим количеством связей.

Каждый из людей, непосредственно контактировавших с «влиятельными» пропагандистами, принес в это сегмент сети собственный набор связей. Если выделить первоначальную сеть взаимодействий Чарушина, Лермонтова и Тихомирова, на которую указывает следствие, то состоять она будет из 11 человек (на рис. 2 обозначены черным цветом). Например, дальнейшие указания на контакты Львова и Саблина свидетельствуют о том, что они оказались важными посредниками между группой «заезжих пропагандистов» и участниками «революционного общества» в Москве, так как включили в круг влияния «пропагандистов» еще 39 человек.

Московское дознание являлось частью большого дела «о пропаганде в империи». И на всех уровнях рассмотрения дела проявлялся схожий принцип. На уровне «пропагандистского» движения Москвы отдельные кружки встраивались в единую сеть посредством связей отдельных активных участников. Знание социальных связей активистов помогло следствию расширить конструируемую сеть протестного движения. Подобным образом следствие выстраивало структуру и более широкого движения.

В рапорте прокурор С. С. Жихарев отмечал: «В поданном 29 июля Конотопскому, Черниговской губернии, исправнику заявлении, учитель сельской школы в селе Комарах дворянин Трудницкий объяснил, что Цакни и Фроленко, принадлежат к той партии "Сен-Жебунистов" которая в 1873 году образовалась в Цюрихе и состояла главным образом из братьев Жебуневых, по фамилии коих и самая партия получила название "Сен-Жебунистов" <...> кружок, к которому принадлежат Фроленко и Цакни, пришел к тому, что для России необходима теперь революция» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7174. Л. 54об.–55). И далее делалось следующее заключение: «Представителями партии Сен-Жебунистов в Москве и были, по словам Трудницкого, Цакни и Фроленко» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7174. Л. 55об.).

Создавалась связь между двумя дознаниями, и московская сеть включалась в более широкое поле взаимосвязей. Приведенный пример подтверждает важность для следствия подобных пересечений между локальными сетями, так как это позволяло воссоздать более широкую социальную сеть. В первую очередь структуру на всех уровнях формировали точки пересечения, подобно тем, какие существовали в описанной социальной сети, составленной по материалам «Московского дознания». В таком качестве выступали участники протестных сообществ, которые благодаря своей активной деятельности в различных кружках устанавливали связи между множеством часто изолированных друг от друга групп.

В этом проявляется особенность конструирования «революционного сообщества» в материалах дознания: благодаря активности ряда лиц следователи могли собрать ряд отдельных людей или групп людей и заключить их в рамки протестного движения. Таким образом, для судебных следственных органов империи протест – это во многом не явная «революционная деятельность», а наличие связей с людьми, которые могут эту деятельность осуществлять.

Действующий индивид в таком случае вписывался в конструируемые схемы и наделялся определенной ролью, приобретает значение. В восприятии политического протестного пространства наиболее важным оказывалось положение человека как связующего звена. На всех уровнях конструирования политического дела проявлялась эта тенденция к выделению важных для сети деятелей. Для следствия одни были важны как влиятельные пропагандисты, организующие кружки, другие – как связующие звенья в структуре данных следственных дел.

Протестное движение в 1870-е гг. представляло собой скорее сложное переплетение взаимоотношений, идеологий, политических ориентаций, а не мир сплоченных революционных групп. В таком виде оно было крайне неудобно для восприятия. Использование методов сетевого анализа позволило раскрыть через анализ структуры документа, что следственные органы стремились так или иначе объединить это многомерное политическое пространство в единое целое и сделать его доступным для интерпретации и дальнейшего судебного процесса.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 17-78-10122.

² Например, в графе, состоящем из 20 вершин, количество клик может приближаться к 2 тыс. (Scott, 2000, p. 119).

³ Пельконен, Кулябко, Войнаральская, Малиновский, Шишко, Аносов, Фетисов, Федоров, Селиванов, Знаменский, Фроленко, Саблин, Львов, Клеменс, Кравчинский, Аркадакский, Соловцевский.

Список источников

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7174. Л. 5180; Д. 7178. Л. 16–20, 1–10об.

Государственные преступления в России в XIX в. / под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Б.м., 1906. Т. 3. (Процесс 193-х).

Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875. 9 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.: С доп. по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. 2-е изд. СПб., 1876. 726 с.

Библиографический список

Brower D. R. The Problem of the Russian Intelligentsia // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. No. 4. P. 638–647.

Confino M. Revolte juvenile et contre-culture. Les nihilistes russes des «annees 60» // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1990. Vol. 31, No. 4. P. 489–537.

Diani M. Introduction: Social Movements, Contentious Actions, and Social Networks: 'From Metaphor to Substance'? // *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action* / Ed. by Mario Diani and Doug McAdam. Oxford Univ. Press. 2003. P. 1–20.

Gleason A. Young Russia: The genesis of Russ. radicalism in the 1860s. New York: Viking press, 1980. 437 p.

Hanneman R. A., Riddle M. Concepts and Measures for Basic Network Analysis // *The SAGE handbook of social network analysis* / Ed. by John Scott and Peter J. Carrington. Los Angeles: SAGE, 2012. P. 345 – 346.

Kassow S. D. Students, professors, and the state in Tsarist Russia. Berkeley: Univ. of California press, 1989. 438 p.

Morrissey S. K. Heralds of revolution: Russian students and the mythologies of radicalism. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 288 p.

Scott J. *Social Network Analysis: A Handbook*. Second Ed. SAGE Publications, 2000. 209 p.

Social network analysis: Methods and applications / S. Wasserman, K. Faust. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1994. 825 p.

Живов В. Маргинальная культура в России. Рождение интеллигенции // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 37. С. 37–52.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М.: Наука, 1965. 443 с.

- Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
- Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. 441 с.
- Рудницкая Е.Л. «Общество Народного Освобождения» и его русские связи (кружок П. Г. Заичневского) // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 140–163.
- Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды: Большое общество пропаганды – [чайковцы], 1871–1874 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 307 с.
- Щербакова Е. И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX в.). М.: Нов. Хронограф, 2008. 221 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.10.2017

SOCIAL NETWORKS OF RUSSIAN REVOLUTIONARY POPULISM OF THE 1870s IN INVESTIGATIVE MATERIALS

A. A. Rubtsov

St. Petersburg Institute of History (House of Likhachev), Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya str., 7, 197110, St. Petersburg, Russia; European University in St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1 A, 191187, St. Petersburg, Russia
arubtsov@eu.spb.ru

The reign of Alexander II was one of the most important phases in the political development of the Russian Empire. In the 1860–70s, a new political space was formed, where it was possible to realize new political actions. The paper raises the issue of how new political movements were perceived and constructed by different actors. The study of revolutionary activity is a guide to this political space. Therefore, investigative materials made during the inquiry of the case of “propaganda in the empire” are used in the paper. This political affair concerned a well-known event, named “going to the people”. The methods of social network analysis are used in the research. This approach makes it possible to study the structure of the political movement through the visualization and analysis of a social network. The constructed model is a whole social network of revolutionary communities in Moscow in the first half of the 1870s. It is drawn from investigative materials and represents the views of the political police on the revolutionary movement. The protest movement in the 1870s was rather a complex intertwining of relationships, ideologies, political orientations, and not a world of united revolutionary groups. The movement was extremely inconvenient for perception. Therefore, the investigative bodies tried to unite this multidimensional political space and to make it accessible to interpretation.

Key words: Russian revolutionary movements, Russian populism, investigative materials, social movements, social network analysis.

References

- Brower, D. R. (1967), “The Problem of the Russian Intelligentsia”, *Slavic Review*, Vol. 26, № 4, pp. 638–647.
- Confino, M. (1990), “Revolte juvenile et contre-culture. Les nihilistes russes des «années 60»”, *Cahiers du Monde russe et soviétique*, Vol. 31, № 4, pp. 489–537.
- Diani, M. (2003), “Introduction: Social Movements, Contentious Actions, and Social Networks: 'From Metaphor to Substance'?”, in Mario D. & D. McAdam (eds.), *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 1 – 21.
- Gleason, A. (1980), *Young Russia: The genesis of Russ. radicalism in the 1860s*, Viking press, New York, USA, 437 p.
- Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii v XIX veke* (1906) [State crimes in Russia in the XIX century], w.p., Vol. 3.
- Hanneman, R. A. & Riddle M. (2012), “Concepts and Measures for Basic Network Analysis”, in Scott J. & P. J. Carrington (eds.), *The SAGE handbook of social network analysis*, SAGE, Los Angeles, USA, pp. 345 – 346.
- Itenberg, B. S. (1965), *Dvizhenie revolyutsionnogo narodnichestva: Narodnicheskie kruzhki i "hozhenie v narod" v 70-h godah XIX v.* [Movement of revolutionary populism: Narodnik circles and "going to the people" in the seventies of the 19th century], Nauka, Moscow, Russia, 443 p.
- Kassow, S. D. (1989), *Students, professors, and the state in Tsarist Russia*. Univ. of California press, Berkeley, 438 p.
- Morrissey, S. K. (1998), *Heralds of revolution: Russian students and the mythologies of radicalism*, Oxford univ. press, New York; Oxford, USA, UK, 288 p.

- Paperno, I. (1996), *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek ehpoi realizma* [The Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the age of realism], NLO, Moscow, Russia, 207 p.
- Pietrov-Ennker, B. (2005), «*Novye lyudi*» *Rossii: razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoj revolyutsii* [«New people» of Russia: development of the women's movement from the sources to the October Revolution], Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia, 441 p.
- Rudnitskaya, E.L. (1990), ““The Society of People's Liberation" and its Russian connections (the circle of P.G. Zaichnevsky)”, in *Revolutsionery i liberaly Rossii* [Revolutionaries and liberals of Russia], Nauka, Moscow, Russia, pp. 140-163.
- Scott, J. (2000), *Social Network Analysis: A Handbook*, Second Edition, SAGE Publications, London, UK, 209 p.
- Shcherbakova, E. I. (2008), “*Otshchepentsy*”. *Put' k terrorizmu (60-80-e gody XIX veka)* [“The renegades.” The path to terrorism (the 60-80s of the 19th century)], *Novyy hronograf*, Moscow, Russia, 221 p.
- Troitskiy, N. A. (1991), *Pervye iz blestyashchey pleyady: Bol'shoe obshchestvo propagandy – [chaykovtsy], 1871-1874 gg.* [The first from the brilliant galaxy: A large propaganda society - [chaykovtsy], 1871-1874.], Saratov University, Saratov, Russia, 307 p.
- Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1866 goda (1876)* [The Code of Criminal and Correctional Penalties of 1866], St. Petersburg, Russia, 726 p.
- Wasserman S. & K. Faus (eds.) (1994), *Social network analysis: Methods and applications*, Cambridge University Press, Cambridge; New York, UK; USA, 825 p.
- Zapiska ministra yustitsii grafa Palena. Uspekhi revolyutsionnoy propagandy v Rossii (1875)* [Note by the Minister of Justice, Count Palen. The successes of revolutionary propaganda in Russia], Geneva, 1875, 9 p.
- Zhivov, V. (1999), “Marginal culture in Russia. The birth of the intelligentsia”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 37, pp. 37–52.